

ГРАЖДАНСКОЕ И УГОЛОВНОЕ ПРАВО: ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ

РОССИЙСКОЕ ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО XVIII-XIX ВВ. В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ МЫСЛИ

Тараборин Р.С.

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права
Уральского института-филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (Россия)

УДК 34 (09)
ББК 67.3(2)5

В статье проводится историографический анализ опубликованных за последние два с половиной десятилетия монографий и учебников, научных статей, докторских и кандидатских диссертаций, охватывающих различные аспекты истории российского государства и права, включая углублённое исследование деятельности государства в области законодательства, в том числе эволюцию российского гражданского законодательства XVIII-XIX вв.

В результате исследования делается вывод, что в современной историко-правовой науке воссоздана целостная картина развития российского права на протяжении XVIII-XIX вв., выявлены и обоснованы объективные и субъективные факторы, предопределившие характер преобразования правовых отношений, проявившийся, в частности, в ходе систематизации российского законодательства XVIII-XIX вв.

Ключевые слова: систематизация законодательства, гражданское право России, эволюция российского гражданского законодательства, современная историко-правовая наука, историография российской цивилистики, история юридической науки.

Taraborin R.S.

THE RUSSIAN CITIZEN LAW OF XVIII-XIX CC. IN MODERN HISTORICAL-REGULATORY IDEA

The historiographic analysis of monographs, textbooks, academic publications, Candidate's and Doctoral dissertations of the last twenty five years is carried out in this article.

The research focuses on different aspects of history of the Russian State and Law and comprises fundamental studies of the government activities in relation to legislation including the evolution of the Russian Civil Law in the 18th – 19th centuries. The conducted research brings the author to the conclusion that modern historical and legal science reflects the comprehensive picture of evolution of the Russian Law during the period of 18th – 19th centuries. At the same time, objective and subjective factors which had determined the character of transformation of legal relations, are identified and justified in the article in relation to systematization of Russian legislation in 18th – 19th centuries.

Key words: systematization of legislation, Russian Civil Law, evolution of the Russian Civil Law, modern historical and legal science, historiography of the Russian Civil Law, history of legal science.

Одним из последствий глубоких общественных сдвигов 1990-х гг. стало освобождение гуманитарных наук от партийно-идеологического диктата, позволившее радикально расширить поле научных поисков –

как в тематическом, так и в методологическом ракурсе. Поэтому последние два десятилетия в историографическом отношении для правовой науки могут быть охарактеризованы как период её интенсивного разви-

тия. Для историко-правовой науки дополнительным стимулом стало реформирование всех сфер российского законодательства (например, разработка Гражданского кодекса Российской Федерации), придавшее необходимую актуальность новому обращению к исследованию и переосмыслению отечественного опыта законодательной деятельности.

Изменения, происходившие в правовой науке, нашли своё отражение в появлении значительного количества диссертационных исследований, монографических и журнальных публикаций. Конечно, основную часть составили работы, посвящённые актуальным вопросам современного правового и законодательного процесса, но достаточно активно развивалась и историко-правовая составляющая.

Характеризуя состояние российской правовой науки, необходимо также учитывать, что, как и в последние десятилетия XIX в., резко вырос социальный заказ общества на профессиональных юристов, а это привело к существенному расширению юридического образования. Поэтому одной из задач российской юриспруденции стало оперативное реагирование на увеличение спроса со стороны вузовского образования: учебники и учебные пособия оказались вновь востребованы не только в своей непосредственной функции, но и в качестве работ, представляющих современное состояние правовой науки.

Последнее обстоятельство диктует необходимость, в первую очередь, остановиться на историографическом значении учебной литературы по курсу истории государства и права России.

Применительно к тематике настоящего исследования самым заметным содержательным новшеством в освещении истории систематизации российского законодательства XVIII-XIX вв. стало стремление авторов учебников и учебных пособий к объективной оценке целей и результатов этого процесса, вскрытию его внутренней противоречивости, проистекавшей из особенностей развития общества в новых исторических условиях.

В теоретико-методологическом плане в учебной литературе продолжает доминировать, хотя и в несколько обновлённом виде, в том числе и с учётом достижений зарубежной исторической и историко-правовой науки, формационная трактовка истории российской государственности.

Поэтому по-прежнему общепринятым категориальным определением содержания и форм государства периода XVIII – первой половины XIX вв. остаётся «абсолютизм», интерпретируемый как государственная система, оказавшаяся в условиях России, в отличие от Западной Европы, формой сохранения феодального строя, но позволявшая до определённой степени развиваться и новым капиталистическим отношениям [2; 3; 5].

Так, в известном учебнике И. А. Исаева отмечается, что абсолютная монархия в России, как и в других странах, возникла на переходном этапе от феодализма к капитализму, но обладала значительным своеобразием, поскольку сочеталась с сохранением крепостного права и имела в качестве социальной опоры крепостническое дворянство. В качестве важной особенности становления российского абсолютизма автор выделяет «широкую экспансию государства, его вторжение во все сферы общественной, корпоративной и частной жизни» [2, с. 217].

При этом отечественный вариант абсолютизма трактуется автором как динамичная, а не статичная система, эволюционирующая от формы полицейского государства, созданной при Петре I, в сторону просвещённого абсолютизма при Екатерине II и к попыткам трансформации в конституционном направлении при Александре I.

Именно абсолютистский характер государства определял, по мнению И. А. Исаева, общую направленность законодательной деятельности во всех сферах права: «Для абсолютизма характерно стремление рационально регламентировать правовое положение каждого из существующих сословий... Законодатель стремился определить правовой статус каждой социальной группы и регулировать ее социальные действия» [2, с. 241].

Под этим углом зрения рассматриваются развитие различных отраслей права, включая гражданское право, и законодательная деятельность государства в целом, в которой особо значимое место отводится систематизации законодательства. Создание Свода законов как завершение длительного процесса кодификации права расценивается И. А. Исаевым (как и авторами других учебников) позитивно, поскольку оно позволило свести воедино действующие нормы, в значительной мере упорядочило правоприменительную практику, но в то же время фиксируются и его недостатки (внутренняя противоречивость, наличие устаревших норм и т.п.).

Характерной чертой учебной литературы при рассмотрении процесса систематизации права является и акцент на повышенную роль – в силу абсолютистской власти монарха, – которую в успехах и неудачах кодификационного процесса играли личные качества правителей. Также высоко оценивается и роль в этом процессе М. М. Сперанского.

В то же время в учебной литературе можно обнаружить и некоторые расхождения в трактовке социальной направленности законодательной деятельности абсолютизма.

Например, одни авторы продолжают жёстко связывать правовую систему Российской империи с феодальным характером общественного строя

(«Консерватизм политической надстройки России первой половины XIX в. предопределил особенности российской правовой системы. Все изменения в праве производятся только для того, чтобы отстоять устои феодализма, абсолютистские порядки» [7, с. 70]), но другие, признавая нацеленность абсолютизма на защиту феодально-крепостнического строя, обращают внимание на то, что ряд решаемых властью задач объективно носил общенациональный характер, и в этом плане абсолютистская монархия находила социальную поддержку и за пределами дворянского сословия. Последнее вело к тому, что и в законодательной деятельности, включая регулирование гражданско-правовых отношений, можно обнаружить отражение интересов других сословий [4, гл. 6-7].

В отличие от исторической науки, где в последние десятилетия наблюдается активный теоретико-методологический поиск, выходящий за рамки модернизированного формационного подхода, в историко-правовой литературе попытки с иных позиций взглянуть на российское государство XVIII-XIX вв. пока крайне редки, что заметно и по учебной литературе.

Эти попытки в основном связаны с переносом акцента на своеобразие российского исторического пути, для категориальной характеристики которого плохо подходят понятия, отражающие западноевропейские социальные реалии.

Например, появились учебные издания, в которых Россия (начиная, по крайней мере, с середины XVI в.) трактуется «как специфическая социальная система», имеющая черты сходства с традиционной восточной деспотией [1, с. 6-7]. Такой подход ведёт к отрицанию существования в России абсолютизма: «Во второй половине XVII в. в России сложилась не абсолютная монархия, а российская разновидность восточной системы завершила свое юридическое оформление» [1, с. 103]. Только после Петра I общество стало постепенно выходить из-под власти государства и «вновь началось формирование гражданского права в его римском понимании, то есть права свободного гражданского общества» [1, с. 126].

Представляется, что подобный подход к истории государства и права России, безусловно, имеет право на существование, но нуждается в более солидной научной аргументации.

В современной учебной литературе, помимо работ общего плана, распространение получают издания, затрагивающие проблематику систематизации законодательства, но в основном сосредоточенные на отдельных сторонах истории российского права.

Для настоящего исследования значительный историографический интерес в этом плане представляет пособие О. А. Омельченко, в котором на современном источниковедческом и концептуальном уров-

не подробно рассмотрена кодификационная работа в годы правления Екатерины II.

В теоретико-методологическом плане автор разделяет доминирующую в историографии оценку этого правления как «просвещённого абсолютизма», но предлагает собственную трактовку его места и роли в истории российской государственности, позднее подробно развитую в отдельной монографии: «просвещенный абсолютизм» «сформировал в России второй половины XVIII в. цельный государственно-политический и правовой уклад, составляющий особую историческую фазу и форму абсолютистской государственности, основанную на новом качестве административной и правовой системы, неразрывном с режимом государственного либерализма и «социализированной» законодательной политикой. Но этот уклад, в силу своего общего социального и политического свойства, не имел длительной исторической перспективы и был своего рода последней модификацией, какую мог принять абсолютизм, не меняя своего существа в преддверии назревавшего общего общественного кризиса «старого режима» [8, с. 381-382].

В учебном пособии убедительно, с привлечением значительного количества архивных документов, комплексно проанализированы предыстория, состав и содержание деятельности не только собственно Уложенной комиссии в составе Большого собрания делегатов, но и, что особенно важно, частных комиссий (тема, мало исследованная и в дореволюционной историографии). Именно в последних обсуждался круг вопросов, относившийся к сфере частно-правовых отношений (собственность и обязательства), но, как отмечается автором, практического влияния на развитие дальнейшего законодательства наработки этих комиссий не оказали [9, с. 88-92].

Значительное внимание в работе было уделено рассмотрению «Наказа» Екатерины II, который расценивается О. А. Омельченко как «идейно-правовая программа просвещенного абсолютизма», отразившая «едва ли не все важнейшие стороны социальных и политических связей феодального общества, теоретические проблемы и конкретные правовые нормы» [9, с. 36].

Ключевым для концепции автора является рассмотрение кодификации в контексте общей эволюции российского абсолютизма как «метода укрепления абсолютистской законности, в основе которого лежал принцип доминирования государственного закона как источника права» [9, с. 127].

Признавая, что осуществлённые в рамках кодификационной работы меры имели «консервативный характер, закрепляя начала существующей государственной и социальной системы, придавая правовой облик абсолютистской государственности и сословно-феодальному строю», О. А. Омельченко вместе с тем

подчеркнул высокий качественный уровень проведённой работы, утверждая, что «по характеру обобщённости и изложения правовой нормы, по сочетанию в законе традиционного права и реформационного правотворчества, по уровню систематизации норм и разработке отдельных областей права, по степени подчинения индивидуальных правоположений общим правовым установкам свода кодификационные работы второй половины XVIII в. остались непревзойденными на протяжении всей первой половины XIX в., ... став краеугольным камнем всего правового здания российской феодальной монархии вплоть до времени буржуазных преобразований 1860-х годов» [9, с. 129].

Таким образом, хотя данная работа только косвенно касается проблематики собственно гражданского права, но представленный в ней анализ кодификационной деятельности значительно дополняет и углубляет, по сравнению с дореволюционной историографией, понимание развития российского законодательства и особенностей его систематизации во второй половине XVIII в.

Суммируя отражение настоящей проблематики в учебной литературе, можно констатировать, что систематизация права вообще и гражданского законодательства в частности продолжает по преимуществу рассматриваться авторами в категориально-логическом ракурсе, присущем формационному подходу. Поэтому большая – в сравнении с советской историографией – объективность в оценке позитивных сторон этих процессов практически не изменяет прежнего понимания кодификации как главным образом средства укрепления переживающей кризис феодально-крепостнической системы. Обращает на себя внимание, что в этой части историко-правовой литературы практически не отражено (если не считать упоминаний о территориальной экспансии России и её войнах) то влияние, которое на российскую государственность оказал переход страны в имперское состояние.

Общие тенденции в трактовке истории государства и права России, характерные для учебной литературы, в значительной мере присущи и собственно научной литературе, затрагивающей рассматриваемую проблематику.

В первую очередь, это отчётливо прослеживается в коллективных исследованиях, посвящённых истории русского права XVII-XIX вв. [10; 11]. Концептуально они также основаны на формационной интерпретации исторического процесса, правда, освобождённой от крайностей догматической её трактовки, свойственной значительной части советской историко-правовой литературы. Российское общество данного периода времени рассматривается в этих трудах как основанное на феодально-крепостническом способе производства, но вступающее с конца XVIII в. в по-

лосу кризиса, связанного с постепенным развитием в его недрах новых буржуазных отношений. Абсолютизм расценивается авторами как форма государственности, отвечавшая уровню общественного развития и выражавшая интересы правящего дворянского класса-сословия. Одновременно отмечается способность абсолютизма (при Екатерине II и её царственных внуках) реагировать на происходящие изменения, в том числе посредством реформирования законодательства, но только в тех пределах, которые не угрожали основам феодальной системы.

Такой последовательно выдержанный в обеих монографиях подход позволил непротиворечиво и достаточно детально проследить все основные тенденции правового развития России, включая процесс систематизации законодательства и его конкретные результаты, воплотившиеся в Своде законов и Уложении о наказаниях 1845 г. При анализе этих документов авторы постарались использовать достижения дореволюционной цивилистики, например, критическая оценка недостатков гражданской части Свода в значительной мере воспроизвела точку зрения Г. Ф. Шершеневича [11].

Как представляется, эти коллективные труды, являясь, по сравнению с работами советского периода историографии, безусловным позитивным шагом вперёд в осмыслении общих проблем истории российского права, в то же время в известной мере обозначили (как и рассмотренная выше учебная литература) пределы такого осмысления, достижимые на основе формационной гносеологической парадигмы.

Возможно, поэтому в научных исследованиях, созданных в последующие годы, прослеживается стремление учёных, не отвергая наработанный предшественниками опыт изучения правовой истории России в традиционных категориях феодальной системы и абсолютизма, в то же время расширить пространство научного поиска за счёт обнаружения и анализа более широкого круга факторов, влиявших на ход этой истории, использования новых для историко-правовой науки методов и приёмов.

Таковыми качественными особенностями характеризуется, например, монография С. В. Кодана, в которой формирование и реализация юридической государственной политики первой половины XIX в. исследуется «с использованием методологии и мировоззренческих позиций различных областей гуманитарного знания» [6, с. 6]. Избранная автором теоретико-методологическая позиция позволила ему увидеть в противоречивости государственно-правовой политики того времени латентный поиск властью ответов на целый комплекс вопросов, который был поставлен перед ней, с одной стороны, процессом социальной модернизации российского общества, с другой стороны, имперским характером российской государственности.

В результате С. В. Кодану удалось не только детально осветить широкий круг проблем, иллюстрирующих справедливость предложенной им расширенной трактовки категории «юридическая политика» [6, с. 22-24], но и сохранить целостность общего взгляда, позволившую доказательно аргументировать суммарный вывод о позитивной роли, которую эта политика сыграла в создании предпосылок для последующих преобразований в России в ходе реформ 1860-х гг. [6, с. 307-321].

Законодательную деятельность государства автор рассматривал в качестве основного вида и направления юридической политики, формирование и конкретная реализация которой зависели от сложного взаимодействия различных объективных и субъективных факторов, включая организацию и деятельность государственного аппарата, идеологические предпочтения власти в целом и её отдельных представителей, технологию законотворческой деятельности, влияние европейских образцов законотворчества и т.д.

Собственно систематизация права являлась лишь одним из частных сюжетов исследования С.В. Кодана, внимание учёного было сосредоточено, прежде всего, на выявлении механизма реализации законотворческого процесса, не предполагавшем обращения к детализации отраслевых аспектов его конечного результата – Свода законов. В данном сюжете заслуживает внимания вывод автора о том, что «систематизация законодательства по своему значению и влиянию на развитие юридической сферы деятельности можно рассматривать как правовую реформу» [6, с. 196]. Нельзя также не согласиться с исследователем в том, что гибкое соотношение общего и местного права, сохранение последнего в ряде регионов Российского государства, отсутствие тотальной правовой унификации являлись одним из важных проявлений своеобразия имперского типа государственно-правового устройства России. Следует, наконец, отметить и объективность, проявленную С.В. Коданом при анализе роли личностных факторов в государственно-правовой политике. Не сводя, как это иногда встречается в исторических исследованиях, всю проблему к личным качествам монархов, он справедливо констатирует наличие в правящей элите определённой «идейной конкуренции», отражавшей «миропонимание основных групп дворянства» и игравшей в целом положительную роль, поскольку она помогла избежать «как излишнего реформаторского радикализма при правлении Александра I, так и крайних форм проявления консерватизма и охранительства во время царствования Николая I, приводя к определённому балансу интересов на уровне принимаемых политических решений и их законодательного оформления» [6, с. 103].

С. В. Кодану также принадлежит значительное количество журнальных публикаций, уточняющих и дополняющих его общенаучную позицию в области изучения истории российского государства и права.

Несколько иной характер имело ещё одно исследование, непосредственно затрагивающее историю российского законодательства времени правления Николая I, принадлежащее историку И. В. Ружицкой [12]. Поставив своей целью на примере законотворческой работы, осуществлённой при этом императоре, показать, что, вопреки устоявшимся в историографии мнениям, в правление Николая I были подготовлены условия для последующих реформ Александра II, автор сосредоточила внимание не на систематизации законодательства, традиционно рассматривавшейся как наиболее яркий эпизод законодательной деятельности второй четверти XIX в., а на опыте подготовки преобразований в крестьянском вопросе (в рамках создававшихся для решения этой задачи комитетов), разработке Уложения о наказаниях и незавершённой подготовке Гражданского уложения. Научная ценность данной работы для историков права видится в том, что в свете проведённого И. В. Ружицкой глубокого, основанного на новых архивных источниках исследования подвергается серьёзной критике прежний взгляд на эту систематизацию как на важное, но едва ли не единственное реальное позитивное деяние николаевской эпохи на фоне абсолютного доминирования во всех остальных сферах государственной деятельности охранительной политики. Напротив, теперь появляются основания видеть в создании Полного собрания и Свода законов не счастливое исключение, обременённое энергией и бюрократическому таланту М. М. Сперанского, а составную часть общей политической линии на подготовку – бесспорно, медленную, осторожную, чреватую большим количеством компромиссов, – комплексного преобразования общественного строя России. Как отмечала автор в своей диссертации, «правление императора Николая I было одним из этапов поступательного движения России и временем создания необходимых теоретических и политических предпосылок реформ 1860-х гг., особенно крестьянской и судебной... Приведение в порядок системы российского права значительно облегчило и ускорило процесс подготовки реформ 1860-х гг., правовой базой которых стал Свод законов» [13, с. 17].

При всей научной значимости исследований С.В. Кодана и И.В. Ружицкой, интересующие нас проблемы формирования системы гражданского законодательства были в них затронуты лишь косвенно и в ограниченном (первая половина и вторая четверть XIX в.) временном интервале.

Практически отсутствие в современной отечественной историографии обобщающих работ по исто-

рии гражданского законодательства XVIII – первой половины XIX вв. в некоторой степени компенсируется диссертационными работами и монографиями, имеющими прямое или косвенное отношение к теме нашей диссертации.

Можно выделить несколько групп работ такого рода:

- исследования эволюции и состояния отдельных гражданско-правовых институтов (И. В. Архипов, С. В. Ворошилова, В. В. Груздев, Е. В. Данилова, А. А. Дорская, Ю. В. Зуй, А. Ю. Колинко, М. Н. Лядашева-Ильичёва, Н. С. Нижник, Т. Е. Новицкая, А. А. Тесля и М. И. Ковальчук, Г. Х. Чукаева и др.);

- исследования общих проблем истории российского права (С. В. Васильев, В. А. Летяев, А. А. Тесля, С. А. Февралёв);

- исследования деятельности государственных учреждений в законодательной сфере (Н. В. Михеева, А. А. Смирнова);

- исследования взглядов и деятельности М. М. Сперанского (А. А. Александров, В. И. Морозов, С. И. Сперанский, В. А. Томсинов, Г. Б. Харитонов, С. А. Чибиряев, В. С. Шеншина и др.);

- исследования истории российской правовой науки (Н. В. Акчурина, В. А. Томсинов).

В историографическом плане, взятые в своей совокупности, эти работы позволяют увидеть, с одной стороны, достижения, с другой стороны, пробелы и спорные моменты в изучении столь объёмной проблемы, как история российского гражданского законодательства.

К несомненным достижениям можно отнести:

- во-первых, существенное расширение источниковой базы (хотя в центре внимания остаётся Свод законов, но также привлекаются архивные материалы, связанные с его разработкой и правоприменительной практикой);

- во-вторых, использование, наряду с традиционным формально-юридическим методом, других современных методов, позволяющих воссоздать целостность исследуемых правовых феноменов;

- в-третьих, воссоздание исторического контекста, в котором разрабатывались и реализовывались гражданские законы, протекала деятельность государственных учреждений и государственных деятелей, причастных к законодательной сфере;

- в-четвёртых, творческое использование при сохранении объективного критицизма методологического и содержательного потенциала, созданного в рамках дореволюционной юриспруденции, особенно цивилистики;

- в-пятых, преодоление стереотипов и идеологически мотивированных оценок при изучении опыта

развития российского гражданского права и гражданского законодательства.

В результате есть все основания говорить о том, что за последние два десятилетия изучение в российской юриспруденции историко-правовых сюжетов, связанных с эволюцией российского законодательства XVIII-XIX вв., вышло на качественно новый этап, как в теоретико-методологическом и источниковедческом плане, так и в содержательном отношении.

В целом воссоздана целостная картина развития российского права на протяжении XVIII-XIX вв., выявлены и обоснованы объективные и субъективные факторы, предопределившие неравномерный и замедленный – по отношению к реальным потребностям меняющегося социума – характер преобразования правовых отношений, проявившийся, в частности, в ходе систематизации российского законодательства, растянувшейся более чем на полтора столетия.

В то же время нельзя не заметить, что в современной историографии не только отсутствуют обобщающие исследования, посвящённые изучению эволюции гражданского законодательства указанного периода времени, но и то, что остаются недостаточно выясненными или, во всяком случае, неоднозначно трактуемыми, как минимум, три, по нашему мнению, ключевых для научного разрешения этой проблемы вопросы:

- 1) что представляло собой российское гражданское законодательство, формализованное преимущественно в Своде законов Российской империи: эклектичное (в силу создания путём инкорпорации) собрание законодательства, относящегося к различным этапам общественной эволюции, или, напротив, некую целостность, законодательную систему особого рода, отражающую специфичность переживаемого российским обществом состояния;

- 2) в какой мере гражданское законодательство середины XIX в. в целом (а не только на уровне отдельных институтов) продолжало традицию, сформированную в Московском государстве, в какой – отражало потребности общества, перешедшего в имперскую стадию, а в какой – препятствовало/содействовало последующей трансформации общества в буржуазном направлении;

- 3) какими глубинными закономерностями развития российского общества может быть объяснён – с учётом современного теоретико-методологического уровня, как собственно историко-правовой науки, так и социальных наук в целом, – неравномерный и длительный характер систематизации российского законодательства и сохраняющаяся дискуссионность в оценке его конечного результата в виде Свода законов гражданских 1832 года и последующих изданий 1842 и 1857 гг.

Литература:

1. Земцов Б.Н. История отечественного государства и права. Учебно-методический комплекс. М.: ЕАОИ, 2009.
2. Исаев И. А. История государства и права России: Учебник для юрид. вузов. Изд. 4-е, перераб. и доп. М.: Проспект, 2009.
3. История государства и права России. Учебник / Под ред. Ю. П. Титова. 2-е изд. М.: Проспект, 2011.
4. История государства и права России: Учебник для вузов / Под ред. С. А. Чибиряева. М.: Былина, 1998.
5. История отечественного государства и права. Ч. 1: Учебник / Под ред. О. И. Чистякова. 5-е изд. М.: Юрайт, 2010.
6. Кодан С. В. Юридическая политика Российского государства в 1800-1850-е гг.: деятели, идеи, институты. Екатеринбург: УрАГС, 2005.
7. Кудинов О. А. История отечественного государства и права. Учеб. пособие. М.: МЭСИ, 2004.
8. Омельченко О. А. «Законная монархия» Екатерины Второй: Просвещенный абсолютизм в России. М.: Юристъ, 1993.
9. Омельченко О. А. Кодификация права в России в период абсолютной монархии (вторая половина XVIII века). М.: Изд-во ВЮЗИ, 1989.
10. Развитие русского права второй половины XVII-XVIII вв. М.: Наука, 1992.
11. Развитие русского права в первой половине XIX века. М.: Наука, 1994.
12. Ружицкая И. В. Законодательная деятельность в царствование императора Николая I. М.: ИРИ РАН, 2005.
13. Ружицкая И. В. Законодательная деятельность в царствование императора Николая I. Авторе-

ферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 2011.

References:

1. Zemtzov B. N. The history of native state and law. M., 2009.
2. Isaev I. A. The history of state and law of Russia: manual for high schools of law. 4th ed. M., 2009.
3. The history of state and law in Russia: manual / Ed. By Yu. P. Titov. 2-d ed. M., 2011.
4. The history of state and law in Russia: manual for Universities / Ed. By S. A. Chibiryaeva. M., 1998.
5. The history of national state and law. P. 1: manual / Ed. by O. I. Chistyakov. 5-th ed. M.: Uraight, 2010.
6. Kodan S. V. Juridical policy of the Russian empire in 1800 – 1850th : figures, ideas, institutes. Yekaterinburg, 2005.
7. Kudinov O. A. The history of native state and law. Textbook. M., 2004.
8. Omelchenko O. A. «Legal monarchy» of Ekaterina II: Enlightened absolutism in Russia. M., 1993.
9. Omelchenko O. A. Codification of law in Russia during the absolute monarchy period (the second half of the XVIII c.) M., 1989.
10. Development of Russian law in the second half of the XVII – XVIII c. M., 1992.
11. Development of Russian law in the first half of the XIX c. M., 1994.
12. Ruzhitskaya I. V. Legislation activity in the reign of the emperor Nikolay I. M., 2005.
13. Ruzhitskaya I. V. Legislation activity in the reign of the emperor Nikolay I. Thesis abstract of the doc. of historical science. M., 2011.